

Саган фр.

19/11-88

Франсуаза САГАН:

«Век Лейнин»
1988-1989

Тонкость души в равной степени присуща и русским, и французам

Два дня провела в нашем городе известная французская писательница Франсуаза САГАН. Наш корреспондент встретился с ней и попросил ответить на несколько вопросов.

— Сначала, пожалуй, несколько слов о целях вашего визита.

— Никаких особых целей у меня нет. Просто я очень хотела приехать в Россию, о которой имею представление главным образом из романов Толстого и Достоевского. Повесть Достоевского «Белые ночи», пожалуй, самое яркое мое «впечатление» о вашем городе.

— С какими именами ассоциируется у вас этот город сегодня?

— К сожалению, очень плохо знаю сегодняшнюю литературу, она мало переводится и распространяется во Франции. Мне очень понравились стихи И. Бродского. Хорошо, что они возвращаются на родину.

— Перестройка сделала возможным многое из того, что было невозможно раньше. Как, кстати, этот процесс представляется вам извне?

— Я очень рада, что приехала в Россию именно в тот момент, когда у вас происходит перестройка. Я должна сказать, что с самого начала поверила в нее.

— Мы тоже. И в этой связи еще один вопрос. Русский и французский народы — что, на ваш взгляд, общего между нами и чем мы друг от друга отличаемся?

— Разделяет, я думаю, только расстояние. Ну и отличие общественного строя, разумеется. И еще те неправильные представления, которые один народ составляет о другом.

Объединяет нас, конечно, несравненно больше. Прежде всего прошлое. Притягательность характеров — французского и русского. Мне кажется, есть какая-то тонкость души, присущая в равной степени и русским, и французам. Я знаю не очень много русских, но с теми, кого я знаю, я себя абсолютно нормально чувствую, мне с ними очень хорошо.

— Думаю, что многочисленные почитатели вашего таланта у нас в стране, читая ваши книги, тоже ощущают родство душ. Учитывая это, позволю себе такой вопрос. В литературной энциклопедии, изданной у нас в годы застоя, я прочел о вас следующее: «Для последних произведений Саган характерны узость тематики, психологическая и нравственная обедненность». Как вы относитесь к такой характеристике?

— Если цензорам брежнев-

ской эпохи не понравилось что-то в том, что я написала, для меня это даже лестно. Но вот если бы сейчас у вас так обо мне написали, мне было бы это не очень приятно.

— В нашей стране вы известны не только как романистка, но и как драматург. Если верить другой статье, написанной в те же годы, ваши пьесы отразили «скептицизм и бездуховность некоторых кругов французской интеллигенции».

— Это для меня неожиданность. Персонажи моих пьес — это, во-первых, не интеллигенция, а во-вторых, не французы. Их действие происходит то в Италии, то в России, то в Англии. Мало того, это очень несерьезные пьесы, большей частью написанные, чтобы развлечься, отдохнуть.

— Стало быть, вам не при-

ходится делить себя между прозой и драматургией?

— Нет, у меня нет такого чувства. Мне намного тяжелее писать роман, чем пьесу. Для меня пьеса — это в какой-то степени развлечение, игра.

— Есть ли в вашей писательской работе несбыточные мечты?

— Да, конечно! Я хочу написать шедевр. Каждый раз, когда я сажусь писать книгу, я надеюсь на то, что это и будет шедевр. Иначе не стоит и начинать. Но, едва закончу, понимаю, что это не шедевр. И испытываю двойственное чувство. С одной стороны, очень рада, что закончила. С другой, мне грустно, что я расстаюсь со своими персонажами.

— Как вы относитесь к своей известности?

— Иногда я нахожу это фантастически прекрасным, иногда это меня смущает, иногда надоедает.

— И последний вопрос, который, наверное, следовало бы задать в начале нашей беседы: кто был вашим крестным отцом в литературе?

— Крестный отец? Не знаю. Но моей страстью был Марсель Пруст. Наверное, он оказал на меня какое-то влияние. Как, впрочем, и Достоевский, и многие другие писатели, любвию мной.

Беседу вел
М. ГАЛЕСНИК

Фото А. ДЕМЬЯНЧУКА

172